

Начало массовой христианизации народов Сибири при Петре I: проблема интерпретации указа от 18 июня 1700 г.

Аннотация. В царствование Петра I начинается массовая христианизация народов Сибири, отправной точкой которой в историографии считается указ от 18 июня 1700 г. При этом в качестве инициатора такой политики христианизации рассматривают самого Петра I. В связи с этим в статье с учетом новейшей историографии, где особое место занимает книга немецкого историка Р. Вульпиус 2020 г. (рус. пер. 2023 г.), анализируются обстоятельства появления указа от 18 июня 1700 г., его содержание и возможные мотивы, которые привели к его появлению. Показывается, что идея о необходимости дальнейшего распространения православного христианства среди подданных-нехристиан, в том числе и в Сибири, высказывалась до воцарения Петра, а в указе от 18 июня 1700 г. наиболее четко была озвучена внешнеполитическая проблематика, связанная с идеей А.А. Виниуса о распространении российского влияния через православную миссию, прежде всего, в Китае, в то время как идеи Петра в нем были отражены слабо, в связи с чем инициатором принятия указа следует считать Виниуса.

Ключевые слова: история России; история Сибири; христианизация; Петр I; А.А. Виниус

The beginning of mass Christianisation of the peoples of Siberia under Peter the Great: the problem of interpretation of the decree of 18 June 1700

Abstract. During the reign of Peter I, the mass Christianization of the peoples of Siberia began. According to historiography, its starting point was the decree of June 18, 1700, and its initiator was Peter I. The article takes into account the latest historiography, where a special place is occupied by the book of the German historian R. Vulpius 2020 (Russian translation 2023). The circumstances of the promulgation of the decree of June 18, 1700, its content and possible motives that led to its appearance are analyzed. The idea of the need to further spread Orthodox Christianity among non-Christian subjects, including Siberia, was expressed before Peter the Great, and the decree of 18 June 1700 most clearly expressed the importance of foreign policy associated

¹ **Михаил Александрович Киселев** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Россия); e-mail: mihail.a.kiselev@gmail.com

Mikhail A. Kiselev — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia).

with the idea of A.A. Vinus about the spread of Russian influence through the Orthodox mission, primarily in China. Peter's ideas were practically absent in this decree, and therefore it was Vinus who should be considered the initiator of the decree.

Keywords: Russian history; Siberian history; Christianization; Peter the Great; A.A. Vinus

При Петре I начинается массовая христианизация народов Сибири, отправной точкой которой в историографии традиционно рассматривается указ от 18 июня 1700 г. Инициатором массовой христианизации рассматривают самого Петра I. Однако, как отмечают авторы специального историографического обзора 2022 г. Ю.Г. Акимов и К.В. Минкова, вопрос о том, что побудило Петра перейти к такой политике, «еще нуждается в углубленном изучении, результаты которого могут способствовать лучшему пониманию бурной эпохи петровских преобразований, истории Русской Православной Церкви и истории коренных народов Сибири» [3, с. 219]. В связи с этим в настоящей работе с учетом новейшей историографии будут рассмотрены обстоятельства появления указа от 18 июня 1700 г., его содержание и возможные мотивы, которые привели к его появлению.

Наиболее обстоятельный анализ указа от 18 июня 1700 г. в контексте истории политики Российского государства по отношению к нехристианским народам в современной историографии представлен в монографии немецкого историка Р. Вульпиус 2020 г. (рус. пер. — 2023 г.). Она пишет, что в этом указе «царь дал церкви поручение выполнить работу небывалого до тех пор масштаба <...>. Указ, который, должно быть, оказался совершенно неожиданным для его современников, распространялся на необычайно обширные территории: на (всю) “Сибирь” и “Китай”». Историк подчеркивает, что именно в этом указе «российский правитель применял в отношении иноверцев среди подданных в высшей степени пренебрежительную терминологию». Дело в том, что там было помещено высказывание о «в слепоте идолослужения закоснелых людях». Согласно Р. Вульпиус, «никогда еще в Московском государстве в мирное время, а тем более спустя десятилетия *после* присоединения чужих этнически групп глава государства» не говорил так. Историк утверждает, что этим Петр «завершил фазу относительной веротерпимости в Московском государстве» и «проложил в империи путь к дискурсу, который провозглашал презрение христиан к “примитивным религиям”, а также <...> убежденность в собственном превосход-

стве над другими, нехристианскими религиозными сообществами» [8, с. 370–372].

В связи с этим следует задаться вопросом о том, когда в правительственной политике в России была сформулирована идея необходимости христианизации народов Сибири. Еще 2 сентября 1681 г. царь Федор Алексеевич обратился к патриарху Иоакиму и к «всему собору» (Московский собор 1681–1682 гг.) «о делех, которые требуют исправления: вначале ко ограждению святых церкви, а потом христианом на распространение, во первых о прибавлении вновь архиереев по градом». Увеличение числа архиереев было нужно «для того, что Сибирская страна пространна и в ней множество народа Христа незнающего, такожде и иные грады от архиерейскаго пребывания имеют далнее разстояние <...>, а в тех далних местех христианская вера не разширяется, развратники ж святых церкви (старообрядцы. — М.К.) там умножаются». В ноябре 1681 г. Московский собор приговорил быть «Сибирского митрополита из епархии в Енисейску с города, с пригороды и с острожки архиепископу. А в далние грады, на Лену, в Дауры, из той же епархии посылать от духовного чину архимандритов и учителных, для учения христианского закона и просвещения неверных; а епископом в далних городах ныне быть неудобно, малолюдства ради христианского народа» [4, с. 109–110]. Итак, царь Федор Алексеевич в 1681 г. задавался вопросом о необходимости проповеди православия в Сибири среди «народа Христа незнающего», в чем получил поддержку церковного собора. Правда, «с одной стороны по недостатку материальных средств, а с другой — по причине смерти Феодора Алексеевича и последующих за нею смут, пришлось ограничиться открытием четырех епархий», среди которых не оказалось архиепископии в Енисейске [6, с. 53].

Кроме того, следует обратиться к духовной патриарха Иоакима 1690 г. В этом документе Иоаким наставлял царей Иоанна и Петра: «Татарове же *проклятыя злобожники суть, в них же ни коего же добра обретается* (выделено нами. — М.К.), и живут в державе царской и между многих христиан и великих. Их же во благочестивую веру всяческии приводити велий есть долг». Развивая эту мысль, Иоаким писал: «Паки воспоминаю, еже бы ... татарам мечетей в своем царстве и обладание всеконечно не давати строити нигде». Кроме того, Иоаким высказался и за ограничение землевладения служилых иноверцев-мусульман: «Татаром злобожным, котории во обладании их царском, в своем же зловерии жизньию влекутся, в подданство и владение христиан не давати, и за которыми есть, *еще не крестятся и не хотят быть в благочестии*

(выделено нами. — М.К.), взимати и тыя от них, и не давати в поругание и под власть нечестивым босурманом христианских душ» [5, с. 304, 310, 313, 311]. Конечно, Иоаким не был правителем Российского государства. Однако он был главой Русской Православной церкви, который считал как возможным использовать пренебрежительные — в терминологии Р. Вульпиус — высказывания в адрес мусульманских подданных, называя их *проклятыми злобозниками*, так и призывать к активизации христианизации мусульман.

С учетом этого тезис Р. Вульпиус, что «в целом предшественники Петра I не стремились ни к крупномасштабной миссионерской кампании, ни к дискредитации людей только из-за их “неправильной веры”» [8, с. 371], нуждается в коррекции. Идея активизации христианизации сибирских народов — *просвещения неверных* — была сформулирована Федором Алексеевичем и на нормативном уровне поддержана церковью еще в 1681 г., а патриарх Иоаким призывал именно к дискредитации из-за «неправильной веры». Правда, в условиях внешне- и внутривнутриполитических пертурбаций, последовавших за смертью Федора Алексеевича в 1682 г., эти предложения не получили видимого развития, в связи с чем историки далеко не всегда принимают во внимание факт их существования.

При этом Р. Вульпиус отметила, что еще в 1698 г. А.А. Виниус, руководивший в то время Сибирским приказом, сообщая Петру I «сибирские вести», «умолял его обучить ученых людей туземным языкам, чтобы привести “те народы” к познанию истинного Бога, чтобы они оставили “идольскую тщетную мерзость” своей веры и были выведены “из тьмы во свет”» [8, с. 372]. Из такого изложения письма Виниуса может сложиться впечатление, что в «сибирских вестях» речь шла о сибирских народах. Однако в «сибирских вестях» речь шла про Китай и про калмыков. Виниус сообщал находившемуся в Великом посольстве Петру, что в Пекине «православные христиане туточные, пленные и приезжие <...>, посветили церковь ... и народ мног Китайской то видели, и вскоре <...> 20 человек святое крещение себе восприяли, и мнозии желают». Фактически процитировав Библию, что «жатва велика да деятелей нет» (Мф. 9:37), Виниус затем писал о желании, «чтобы то великое дело не угасло в том месте, но и в степные народы разсеял[ось]», в связи с которым он отправил указ сибирскому митрополиту Игнатию об отправлении в Пекин «ученых мужей для проповеди». Также он высказывал опасение из-за возможного распространения мусульманской веры, которая «в Калмыках чрез Бухарские абызы уча ла множи[тся]». Как результат, Виниус выдвигал идею об обучении

«Китайской, и Мунгалской и Калмытской грамоте» людей, которые бы занялись «среди тех народов» миссионерской деятельностью. Такие люди могли бы «тех народов идолскую тщетную мерзость обли[чить и к по]знанию истинного Бога <...> из тмы во свет <...> приведе благословить, разширить и утвердить» [9, с. 694–695].

Петр I показательно отреагировал на эту новость в письме А.А. Виниусу от 12 июня 1698 г.: «Пишешь ваша милость, что в Пежине построили христиане церковь нашего закона, и многие из Китайцов крестились. И то дело зело изрядно; толко для Бога поступайте в том опасно и не шибко, дабы Китайских начальников не привесть в злобу, также и езуитов, которые уже там от многих времен гнездо свое имеют. К чему там надобет попы не так ученые, как разумные и покладные, дабы чрез некоторое кичение оное святое дело не приизошло в злейшее падение, как учинилось в Епании» [9, с. 253–254]. Итак, Виниус в 1698 г. вел речь о проповеди христианства в Китае и среди калмыков, а Петр отреагировал лишь на упоминание Китая, рекомендовав проявить умеренность, чтобы не повторить судьбу португальских миссионеров в Японии. Более широкие планы Виниуса, связанные с распространением миссионерской деятельности «в степные народы», его не заинтересовали.

Однако после возвращения из Великого посольства Петр I во время посещения патриарха Адриана, состоявшегося, скорее всего, 4 октября 1699 г., произнес речь, где выразил недовольство образованием священников в России. В связи с этим он заявлял: «Чтобы возымети промысл о разумлении к любви Божией и к знанию его *христиан православных и зловерцов: татар, мордвы, и черемисы, и иных, иже не знают творца Господа* (выделено нами. — М.К.), и для того (следует. — М.К.) во обучение послати koliko десять человек в Киев в школы». Петр так говорил про образование: «Евангелское учение и свет его, си есть, знание Божие человеком, паче всего в жизни сей надобно. И из школы бы во всякия потребы люди, благоразумно учася, происходили в церковную службу и в гражданскую, воинствовать, знати строение и докторское врачевское искусство». При этом монарх отмечал: «Мнози желают детей своих учить свободных наук и отдают зде иноземцом оныя, инии же и в домех своих держат, будто учителей, иноземцов же, которыхя славенскаго нашего языка не знают право говорити. К сему еще иных вер, и при учении том малым детям и ереси своя знати показывают, отчего детям вред и церкви нашей святей может быти спона велия, а речи своей от некуства повреждение». Исходя из этого, Петр переходил к рассуждениям о необходимости создания своих, российских школ:

«А в нашей бы школе при знатном и искусном обучении всякого добра учинилися. И кто бы где в науке заправился в царскую школу, хотя бы кто побывать пришел, и он бы ползовался» [7, с. 33–34].

Таким образом, Петр I поместил подданных-«зловерцев» (мусульман) и подданных, «иже не знают творца Господа» (многобожников), в один ряд с подданными-православными. Историки иногда упускают это обстоятельство. Так, в 1914 г. К.В. Харлампович писал, что монарх говорил патриарху Адриану «о безграмотности духовенства и о необходимости просвещения “татар, мордвы и черемисы и иных, иже не знают Творца Господа...”» [11, с. 404]. Уже в 2020 г. Ю.Г. Акимов, опираясь на Харламповича и при этом неточно цитируя его текст («познали господа и закон его» вместо «не знают Творца Господа»), рассматривает эту речь как свидетельство того, что массовое обращение «аборигенов Сибири в православие» было связано с инициативой Петра [2, с. 221]. Все же Петр поименно перечислил только народы Поволжья (*татары, мордва и черемисы*, т.е. марийцы). Правда, под язычниками, возможно, им подразумевались сибирские народы. Однако более важно то, что царь не отделял их всех в части «разумления» от своих подданных, которые были «христианами православными». Меры по предлагаемому развитию школ, которые можно трактовать как меры, направленные на самоцивилизацию, касались «христиан православных и зловерцев» и язычников, т.е. практически всех подданных вне зависимости от вероисповедания.

И вот 18 июня 1700 г. состоялся именной указ, в котором были нормы об организации проповеди христианства в Сибири. Правда, он начинался не с этого, а с регулирования проблем, связанных с «Бухарцами и Калмыками», которые в Сибири покупали меха, чтобы потом продавать в Китай. И лишь после этого заявлялось: «А для утверждения и приумножения в православную Христианскую веру, и проповеди Святаго Евангелия в тех идолопоклонных народах, тако ж для приведения ясачных народов в веру Христианскую и святое крещение, которые близь Тобольска и иных Сибирских городов живут, Великий Государь, говоря о том со Святейшим Патриархом, указал писать к Киевскому Митрополиту, чтоб он ... искал ... доброго и ученаго, и благо непорочнаго жития человека, которому бы в Тобольску быть Митрополитом, и мог бы Божиею помощию исподволь в Китае, и в Сибири, в слепоте идолослужения и в прочих неверствиях закоснелых человек приводить в познание и служение и поклонение истиннаго живаго Бога» [10, № 1800, с. 60].

Получается, что указ распространялся все же не на «Сибирь» и «Китай», как это пишет Р. Вульпиус, а на *Китай и Сибирь*. И здесь

следует вспомнить предложения главы Сибирского приказа А.А. Виниуса 1698 г. об организации православной миссии, направленной, прежде всего, на Китай. Кроме того, именно Виниус 31 марта 1700 г. поставил перед Петром I вопрос о необходимости назначения нового архиерея в Тобольск: «Нужно и митрополиту в Сибири ... быть, а Игнатий зело ума иступил» [9, с. 808]. С учетом этого предположим, что инициатором указа от 18 июня 1700 г. оказался как раз Виниус. В пользу этого свидетельствует совпадение его предложений 1698 г. с тем, как в указе от 18 июня 1700 г. была описана организация миссионерской деятельности. Согласно указу, новому митрополиту следовало привезти «с собою добрых и ученых не престарелых иноков дву или трех человек, которые бы могли Китайскому и Мунгальскому языку и грамоте научиться, и их суеверие познав, могли твердыми святого Евангелия доводами многия души области темная сатанинская привести во свет познания Христа Бога нашего, и тамо живущих и приезжих Христиан от прелести всякой идолослужения их отводить, и тамо могли б жити, и у той построенной Божией Церкви служить, чтоб своим благим житием, Хана Китайскаго и ближних его людей и обще их народ привести бы к тому Святому делу, и к Российскому народу людям, которые по вся годы с караваны для торга и для всяких посылок порубежных ездят, учинить себя склонительных» [10, № 1800, с. 60]. В этом описании легко опознается упоминаемая в 1698 г. Виниусом церковь в Пекине, а также проявляется и вполне земная прагматика, связанная с тем, что в случае успехов миссионерской деятельности правящая элита Китая будет лучше относиться к российским торговцам и дипломатам. Что же до сибирских народов, то, получается, они лишь упоминались после Китая, и при этом не расписывалось, как должна проходить миссионерская деятельность среди них. В связи с этим обращает на себя формулировка, что митрополит «в Китае, и в Сибири» должен был заниматься христианизацией «исподволь». За такой формулировкой еще достаточно сложно усмотреть идею, что христианизация должна была иметь массовый характер.

Таким образом, в указе от 18 июня 1700 г. в части христианизации основное внимание было сосредоточено на перспективе распространения православия в Китае. Соответственно, например, тезис А.Ю. Конова в «Академической истории Югры» 2024 г., что в указе 18 июня 1700 г. Петром I была впервые сформулирована «задача религиозной консолидации неоднородного в конфессиональном отношении сибирского социума» [1, с. 409], выглядит позднейшей упрощающей рационализацией, основанной на более поздних правительственных актах.

Можно сказать, что указ от 18 июня 1700 г. допускал такую перспективу, но не более. Сама идея о необходимости дальнейшего распространения православного христианства среди подданных-нехристиан, в том числе и в Сибири, высказывалась и до 1700 г., а в указе наиболее четко была озвучена все же внешнеполитическая проблематика, связанная с идеей А.А. Виниуса о распространении российского влияния через православную миссию, прежде всего, в Китае. В этом отношении важным оказывается принимать во внимание не только мысли самого Петра, а и его сподвижников. Конечно, соблазнительно за каждым важным государственным актом петровского времени видеть — в духе панегирической литературы XVIII в. — исключительно волю самого Петра. Однако, похоже, в указе от 18 июня 1700 г. нашли выражение, прежде всего, идеи Виниуса. Что же до проблематики самоцивилизации, связанной в конце XVII в. для Петра I с христианским просвещением, которое, что принципиально, касалось не только подданных-нехристиан, а также и православных — она в должной мере не проявилась в указе от 18 июня 1700 г.

Список источников и литературы

1. Академическая история Югры. Т. 4. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2024. 632 с.
2. *Акимов Ю.Г.* Европейские источники трансформации отношения русских к христианизации аборигенов Сибири в Петровскую эпоху // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2020. Т. 21. № 4—1. С. 218—230.
3. *Акимов Ю.Г., Минкова К.В.* Побудительные мотивы массовой христианизации аборигенов Сибири при Петре I // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2022. Т. 23. № 1. С. 212—221.
4. Акты исторические. Т. 5. СПб.: Тип. 2 отд. Е.И.В. Канцелярии, 1842. 567 с.
5. *Богданов А.П.* Русские патриархи (1589—1700). Т. 2. М.: Терра, 1999. 414 с.
6. *Воробьев Г.А.* О Московском соборе 1681—1682 года. СПб.: Изд. И.Л. Тузова, 1885. 158 с.
7. *Воскресенский Н.А.* Законодательные акты Петра I. Т. I. М.; Л.: АН СССР, 1945. 602 с.
8. *Вульпиус Р.* Рождение Российской империи. Концепции и практики политического господства в XVIII веке. М.: НЛО, 2023. 712 с.
9. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. СПб.: Гос. тип., 1886. 888 с.
10. Полное собрание законов Российской Империи. Т. 4. СПб.: Тип. 2 отд. Е.И.В. Канцелярии, 1830. № 1800. С. 59—61.
11. *Харламович К.В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. I. Казань: М.А. Голубев, 1914. 878 с.